

Алексей Будищев

Степные волки

Алексей Будищев

Степные волки

«Public Domain»

1897

Будищев А. Н.

Степные волки / А. Н. Будищев — «Public Domain», 1897

«Солнце стояло над головою, и его лучи ослепительно яркие и горячие, щедро заливали зелёные степи и цепь невысоких курганов за узкою речкой. Белые чайки, с пронзительным криком пролетавшие над речкою, получали золотистый металлический оттенок. На небо было больно взглянуть: оно все сияло и светилось. Рыжие ястреба то и дело проносились над степью; теперь каждая былинка ярко озарена солнцем, и при таком великолепном освещении легче высматривать добычу...»

© Будищев А. Н., 1897

© Public Domain, 1897

Алексей Будищев

Степные волки

Солнце стояло над головою, и его лучи ослепительно яркие и горячие, щедро заливали зелёные степи и цепь невысоких курганов за узкою речкой. Белые чайки, с пронзительными криком пролетающие над речкою, получали золотистый металлический оттенок. На небо было больно взглянуть: оно все сияло и светилось. Рыжие ястреба то и дело пронеслись над степью; теперь каждая былинка ярко озарена солнцем, и при таком великолепном освещении легче высматривать добычу.

Сутолкин возвращался из ярового поля к себе на хуторишко. Солнце жарко нагревало его парусиновый пиджак и высокие сапоги, покрытые от ходьбы по траве зеленым налётом, но он бодро шел вперед, размахивая суковатой палкой. До хутора оставалось всего версты полторы, а он родился и вырос в степях и привык и не к такому зною; в июле здесь бывают такие жары, что положительно нечем дышать, воздух накаливается, как в бане, и все живое прячется в низкорослые кустики, в бурьян, в норы, под старые листья и корни; а путник, застигнутый таким зноем, идет медленно, в изнеможении и, как бальной в жару, грезит о раскаленных углях и золотых россыпях.

Сутолкин остановился на минуту, чтобы отереть вспотевший лоб, и снял широкополую из крупной соломы шляпу. Это был сильный, среднего роста, человек лет 35-ти, с рыжеватыми волосами и карими глазами. Лицо его было красно от зноя. Он огляделся. Справа от него извивался овраг с крутыми, безжизненными берегами. До хутора, где он живет, всего верста. Хутор расположен по правую сторону этого оврага, в том месте, где его сухое русло впадает в речку Тилибейку. Сутолкин уже видел его убогие, крытые соломой постройки с полуразрушенным плетнем. Он презрительно усмехнулся.

«Это не хутор, а воронье гнездо! – подумал он с раздражением. – И ты должен жить в этом гнезде, тогда как у тебя из-под носа утянули целый городок!» Сутолкин взглянул налево и сердито стукнул палкой о землю. На левом берегу оврага виднелся другой хутор, опрятный и обширный, с многочисленными постройками, как живой изгородью, окруженными ветлами. Этот хутор Ветошкина. Он разбит на холме, и за его постройками сбегает под изволок к речке небольшой, но густой садик. Сутолкин подумал: «Этот хутор будет моим во что бы то ни стало. Я вырву его из когтей старого разбойника или пришибу его из-за угла камнем. Он ограбил отца, а я ограблю его самого. Я покажу ему, как тягаться с Сутолкиными!» Сутолкин надел шляпу и хотел было двинуться вперед, но внезапно застыл на месте. Из-под кручи оврага к нему навстречу вышел человек весьма странного вида. Человек увидел его и тоже остановился, как вкопанный. Он был мал ростом, худ и одет в насквозь просаленную поддевку, плисовые шаровары и стоптанные башмаки. На вид ему было лет 60; его желтое, без признака растительности лицо было сплошь изрыто глубокими морщинами. Это был сам Ветошкин, владелец богатого хутора. Он увидел Сутолкина, и его выцветшие глазки беспокойно забегали, как у крысы, попавшейся в ловушку. Он робко снял с редковолосой головы старенький картуз с козырьком из сахарной бумаги и низко поклонился ему.

– Доброго дня, Егор Сергеич! – проговорил он.

Голос у него был тоненький и слащавый.

Сутолкин позеленел от злобы.

– Уходи, уходи, видеть тебя не могу! – крикнул он злобно, с гневом на всем лице.

Ветошкин бросился бежать. Он пробежал сажень двадцать и, снова остановившись, обернулся к Сутолкину.

– За что вы меня обижаете, Егор Сергеич? Зачем неприличными словами обзываете? Что я вам сделал? – выговаривал он протяжно и нараспев.

Сутолкин вышел из себя и закричал задыхаясь и плохо выговаривая от злобы слова:

– Скажите, пожалуйста, я же его обидел. Ах, ты каналья, ах, ты анафема безбородая!

А кто ограбил моего отца? Кто выудил у него сто двадцать тысяч чистоганчиком, когда отец мой был при последнем издыхании? Говори, собака ты куцая! Кто стянул у меня из-под носу Тилибеевку? Кто по миру меня пустил? Говори, ну, говори!

Егор Сергеич окончательно задохнулся и бешено затопал ногами.

Ветошкин всплеснул руками.

– Отцы мол милостивые, я обобрал вашего папеньку! Бог вам судья, Егор Сергеич! Я клад нашёл в донских степях, а вовсе не...

Он не договорил и снова пустился бегом, так как Сутолкин сделал движение, как бы намереваясь ринуться на него. Ветошкин пробежал еще сажень двадцать и затем остановился и показал рукою на небо.

– Бог вас накажет, Егор Сергеич!

В ответ Сутолкин затряс кулаками.

– Убью, каналья!

– Накажет! – повторил Ветошкин и пустился бежать.

Потом он пошёл шажком и, поминутно озираясь на Сутолкина, запел гнусавым голосом: «Яко до Царя всех поды-ымем, аллилуйя, аллилуйя...»

Егор Сергеич стоял, дрожа от негодования и говорил, как бы обращаясь к невидимому собеседнику:

– Нет, каков? А? я же его, извольте видеть, обидел! Ограбил отца, отнял у меня родовую Тилибеевку, – и меня же Бог накажет! «Яко да Царя всех...» Ах ты, ханжа безволосая! Постой, я тебе доеду, я тебе покажу, я тебе покажу! – повторял он злобно, совсем по-волчьи, сверкая глазами.

Сутолкин на минуту замолчал, вздохнул и мечтательно добавил:

– Только бы Серафима согласилась!

До него долетело из-за бугра: «Аллилуйя, аллилуйя...»

Сутолкин двинулся в путь. Он спустился в овраг, намереваясь пройти его руслом к речке; там он думал пробраться берегом к усадьбе. Ветошкина и подкараулить где-нибудь в кустах Серафиму, когда она пойдет купаться. Он хотел добиться от неё сегодня решительного ответа. Егор Сергеич шел и думал: «Неужели она не согласится? Неужели она будет такой дурой и откажется от своего счастья?»

Сутолкин вздохнул.

– Господи, если бы только она согласилась, – вырвалось у него.

Между тем солнце по-прежнему жгло степи. Кругом было тихо; птицы не пели, только голуби парами проносились порою на водопой к речке и звенели крыльями. От глинистых стен оврага веяло жаром. Красные крыши Ветошкинского хутора смотрели с холма в овраг и раздражали Сутолкина. Он разбивал палкой глиняные комья, выстилавшие дно оврага, и думал: «Тилибеевка не меньше, а золотое дно; четыре тысячи десятин земли – шутка сказать! Тут есть к чему руки приложить; это не то, что мой хуторишко с девяносто восьмью десятинами! и всему виной старая кочерга Ветошкин: не ограбь он отца, Тилибеевка была бы моею!» Сутолкин снова вздохнул.

Он уже приближался к речке.

Когда-то давно Тилибеевка, теперешнее имение купца Аверьяна Ветошкина, принадлежала отцу Егора Сергеича. Рассказывают, что когда старик Сутолкин умирал, его любимый казачок Аверьян, восемнадцатилетний юноша, выкрал из письменного стола старого Сутолкина 120 тысяч и после этого исчез неизвестно куда. На Тилибеевке были долги, новый её владелец был малолетний, и она пошла с молотка. Вскоре после этого явился Аверьян и перекупил Тилибеевку, рассказывая кой-кому, якобы по секрету, что он нашел в донских степях

богатый клад. Таким образом из бывшего казачка Аверьяна он превратился в купца второй гильдии Аверьяна Ветошкина, владельца всей Тилибеевки и земского гласного. Когда молодому Сутолкину было 18 лет, он случайно встретился с Ветошкиным на охоте в «ореховом кусту» и выстрелил в него из ружья, но не убил, а только изорвал на нем поддевку. Сутолкина судили и оправдали, но все же он был исключён за это из гимназии. С этих пор он безвыездно живет на маленьком хуторишке, перешедшим к нему по наследству от матери.

Егор Сергеевич подошёл к речке и расположился на берегу. Скоро сюда придет купаться Серафима, воспитанница Ветошкина, и он добьется от неё положительного ответа: согласна ли она, наконец, сделаться его женою на тех условиях, какие он ей на днях предлагал. А условия эти заключались в следующем. Как-то Сутолкин узнал от Серафимы, что Ветошкин за последние годы наделал много долгов по винокуренному заводу и долгов этих уплачивать не желал. Для этой цели он выдал Серафиме векселя всего на сумму 185 тысяч, а пока он замазывал рты кредиторов процентами. Когда же кредиторы подадут ко взысканию (а это, как предполагал Ветошкин, должно было случиться не скоро), Серафима представит в суд векселя и таким образом в уплату долгов из кармана Ветошкина уйдет далеко не все. Этой операцией Ветошкин надеялся нажить тысяч 50. Дело было обставлено по всей форме. Ветошкин доверял Серафиме, но выданные ей векселя держал, конечно, у себя под замком. И вот Сутолкин предлагал Серафиме выкрасть эти векселя и бежать к нему, обещая жениться на любимшей его девушке. Но Серафима колебалась, плакала и обыкновенно на такие предложения говорила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.